Актер, который не умел носить костюм

Известия. — 2001. — 13 авг. — с. 8

Борису Чиркову — вечному Максиму — сто лет

Почему-то именно умение носить костюм считается признаком актерской органики. Это когда артист хорош в поддевке и в смокинге, в трико дворянина и лаптях крестьянина. Народный артист Борис Чирков даже в бархатном камзоле композитора Глинки выглядел так, словно камзол возведен в цехах Москвошвея. Он не был актерски эффектен. Но был гениально органичен.

Валерий КИЧИН

Артиста нельзя оторвать от времени, в котором он живет. И тот артист, который идеально попадает в свое время, становится народным любимцем. Наше кино знало рафинированного Кторова, ироничного Смоктуновского — аристократов экрана, но именно эти качества делали их как бы небожителями. Их нельзя хлопнуть по плечу в трамвае: Кеша, Толяй! Вот Алейников, Крючков, Чирков — те свои в доску. Хитроватый крестьянский прищур и сдавленный подъелдыкивающий говорок Чиркова шли прямиком из глубины сибирских руд и были родными. Крестьянин-Максим и крестьянин-Махно, крестьянин-профессор, крестьянин-учитель и крестьянин-композитор, и никому не приходило в голову попробовать его в роли какого-нибудь Лира или хотя бы Мальволио. Хотя это наверняка было бы интересно.

Он был пленник истории, биографии и соответственно — социального типа. И когда «Союзмультфильму» понадобилось создать обобщенный образ русского трудяги-хитрована из «Сказки о Золотой рыбке» — не мудрствуя лукаво, он нарисовал Чиркова.

Это абсолютно советский тип актера. Когда ЦК говорил про выведенную партией «новую историческую общность», он был совершенно прав: даже элита этой общности — актер, писатель, живописец — были неконвертируемы и неинтегрируемы в иное сообщество. В этом нет ничего ущербного и второсортного — точно так же не интегрируются актеры Индии или Китая времен Мао — люди, отъединенные от прочего человечества экзотикой идеи или культурной традиции.

Такого Максима мог сыграть только Чирков. Смотришь на фотокадр из «Выборгской стороны», где он стоит в революционной толпе, плоть от плоти и кровь от крови, уставив дула на обедающих белогвардейцев, и понимаешь: в любом нормальном контексте эта композиция читалась бы с точностью до наоборот — толпа экстремистов берет на мушку мирных невооруженных людей. Но наш контекст был особенным. В любом другом контексте художественный образ был явлением эстетическим. У нас он был явлением идейным и социальным и вне текущего момента не воспринимался.

Максим в самом себе нес биографию целой страны, выгнавшей свое прошлое и с энтузиазмом возводившей свое настоящее согласно своим представлениям и на пустом месте. Некогда презрительная поговорка «из грязи в князи» стала эффективным лозунгом времени, только князи должны были носить москвошвеевские пиджаки — иначе их примут за чужаков и пустят в расход. Так стало делаться все наше кино — демократично, с фраками-поддевками и лаптями-штиблетами. Этому кино понадобился свой тип артиста. И целые судьбы талантливейших людей, как в компрачикосах у Гюго, утрамбовались в это прокрустово ложе. Возникли свои Кины и свои Чаплины. Возник великий отдельный кинематограф, равного которому не было и уже не будет.

Чирков повторил путь Ломоносова. Родился в не обозначенном на карте Нолинске, в месте, где в Вою впадает Вожжайка, и в ста км от ж/д. Там ставили «Грозу», где Чирков был суфлером. Вот каково? — подобные места в США живут кабаком-салуном, а в России Нолинск жил Обществом трезвости и любительской драмой. Гоняли футбол, репетировали, читали символистов и акмеистов. Жизнь стучалась в Нолинск, а на самом деле это нормальный талантливый организм жадно впитывал в себя доступные ему крохи большого мира. Крох было мало, и то, что теперь ТВ бесплатно обрушивает водопадом, тогда выгрызалось зубами. Отсюда естественный напор — плод естественного отбора.

Таким рубахой-парнем Чирков оставался всегда. Кадр из «Юности Максима» (1935 год)

С этим напором Чирков и пришел в актерское дело. А там уже ломал догмы Маяковский, низвергали каноны Эйзенштейн с Мейерхольдом, жизнь отождествлялась с революционным диспутом. Так вот и выплавлялась, и закалялась сталь.

На самом деле это очень счастливая судьба. Она была согрета большой верой и одухотворена великой иллюзией. И если скептик вам опять скажет о продажности и политическом конформизме целой эпохи, проверьте его зрение — он дальтоник. В Китае 60-х случился инцидент, идеально выразивший мироощущение целого народа. Машину остановил полицейский и хотел оштрафовать за нарушение, но узнал, что за рулем американец, и великодушно отпустил: «Конечно, у вас в Америке нет такого большого движения — будь внимательней вдругорядь». Он был счастлив — потому что не знал своего несчастья.

Вот и у нас были поколения художников, которые в разной мере могли подозревать, но в целом не знали своего несчастья. Поэтому они его ощущали и воспевали как счастье.

Сегодня «Верные друзья» воспринимаются как красивая ностальгическая сказка во временах, которых никогда не было, но о которых всегда мечтали. И пусть лодочка плыла-качалась в бетонных берегах идеологии — они стали видны только теперь, когда бетон облупился и потрескался. Но искренность в глазах осталась, она важней.

За всю большую жизнь в кино Чирков сыграл только одну роль в классике — в тургеневском «Нахлебнике». Классика в берега тоже, как правило, не вписывалась. И всю энергию актера эксцентричного, по природе скорее вахтанговского, ограничил смешным эстрадным танцем, где они с Черкасовым и Березовым пародировали Пата, Паташона и Чаплина. Он и этими качествами пожертвовал во имя Великой идеи.

Ведущие тезисы советского искусства — воспитывать, поднимать, созидать, звать в будущее — Борис Чирков воспринимал как призвание и миссию. Он играл как учил — и в герасимовском «Учителе» создал не просто человека из плоти и крови, а символ, сотканный из света идеи, а также мудрости и строгого, но справедливого добра.

Он нес свет знаний в массы — выступал на кораблях Балтики, спускался в шахты Донбасса. Он написал популяризаторские книги, где объяснил разницу между мастеровитым заграничным кино и нашим созидательным. «И опять расходились люди из кинотеатра, стараясь не глядеть в глаза друг другу от радости, от счастья и гордости за светлую нашу жизнь, за прекрасные цели. У многих из нас блестели глаза так ярко, что даже пришлось надеть темные солнечные очки...»

Прошло сто лет от рождения большого актера советской эпохи. Эпохи уже нет — актер остался.